

ВРЕМЯ РАСЦВЕТА РУДОЛЬФА ХАЧАТРЯНА

С 1990 года до недавних пор Рудольф Хачатрян жил и работал в Лондоне. Лондонский период художник называет своей "болдинской осенью". Не будем подозревать Хачатряна в нескоромности: речь идет не о том, что он написал картины, равноценные "маленьким трагедиям". Дело в том, что за два с половиной года он создал несколько сот произведений. Замыслы приходили к нему неожиданно и мгновенно. Он работал запоем, преодолевая усталость, а затем и болезнь, заставшую его врасплох и заставившую на время покинуть мастерскую.

В этой заметке я буду говорить прежде всего о лондонских работах, знаменующих высшую точку в развитии художника, и не ставлю перед собой задачу дать характеристику всему его творчеству, описать отдельные его этапы. Замечу лишь, что разница между ранним Хачатряном и зрелым велика. Казалось бы, трудно было представить, что тонкий стилист, в совершенстве владеющий линией и создающий "очень похожие" и слегка приукрашенные портреты в "ренессансном стиле", вдруг станет сверхреальным, энергичным изобретателем новых форм, творцом современных мифологем и развернет свой талант в столь неожиданном направлении. Между тем есть точки соприкосновения между началом и зрелостью. Сам Хачатрян считает, что раннее творчество не прошло даром. Он овладел формой, познал ее возможности, стал последовательным сторонником позитивных художественных ценностей, что в дальнейшем уберегло его от примата идеи или даже концепции над пластикой.

Хачатрян погружен в особый мир, созданный его фантазией. В этом мире живут удивительные существа. Они не просто результат воображения, но и плод пристального наблюдения над реальностью, которая как бы перед глазами художника приумножает свои качества, разрастается, концентрируется в своей энергии. Этой природной силой питается художник. Овладевая реальностью, он в чем-то подчиняется ей, воспринимая и воспроизводя ее ритмы, повинуюсь законам роста, торжествующим в природе.

Как и всякий миф, исполненный уверенности в подлинности своей реальности, миф Хачатряна заставляет верить в истинность своего мира. Фантастические образы вызывают доверие прежде всего потому, что художник рождает свои мифы в пластическом обликах, а не иллюстрирует их. Рука, глаз и ум действуют одновременно, создавая образы-формулы, а последние сами подвергаются метаморфозам, отдаются стихийным силам, преобразуются. Сам принцип работы сериями, который практикует Хачатрян, способствует такому творческому методу. Художник повинует стихии, исподволь управляя ею, фиксирует все новые и новые варианты формул, рожденные этой стихией, доводя идею до логического завершения. Рациональное и интуитивное органично взаимодействуют в этой системе мышления.

Формулы, о которых идет речь, связаны с человеческой фигурой, приобретающей самые неожиданные модификации. Из традиционного мотива матери с ребенком вырастает фигура состоящая из сросшихся тел – большого и малого. Иногда и равновеликие формы ведут "двойное существование". У фигур разрастаются головы, превращаясь в огромные маски, в которых словно закреплена память о рождении живого из неживой природы – из Матери-земли. Будто земля с незапамятных времен отделила от себя эти существа, несущие на себе печать древних эпох, еще не знавших отсчета времени. Между тем они во всей своей достоверности пребывают перед нами, словно соединяя цепью прошлое и настоящее.

Когда, умножаясь, фигуры создают скопления – некие муравейники (как выразился однажды сам художник), они вновь сливаются с землей, образуя подобия скал или пещер. Отверстия в телах (прием, которым пользовались великие Мур и Арп) усугубляют это впечатление. Они не только включают в форму пространство, но соединяют внутренними

ходами эту форму с неведомой нам подземной жизнью.

Фантастический мир Хачатряна универсален. Он обращен в прошлое, настоящее и будущее и вместе с тем располагается как бы "над временем". Он коренится в глубинах земли и одновременно открыт всеобщему пространству. Он не скован бытовым измерением. Он мог бы показаться надуманным и потому непрочным, если бы не органическая природность и сила, вложенная в него мастером. Ему сообщена энергия, которой во многом определяется дар Хачатряна. Его талант можно назвать энергетическим. Со времен Филонова стало истиной простое уравнение: вложенная в произведение энергия равна силе обратного воздействия этого произведения. Филонов "заряжал" свои картины медленным кропотливым трудом, заполняя холст от края и до края и тратя на этот труд годы. Хачатрян свой "заряд" выстреливает с поразительной быстротой. Он делает это яростно. А сила, вложенная в образ, удваивается в результате столь стремительного пути от первого импульса к законченной работе.

К своеобразным качествам таланта Хачатряна относится его поразительная изобретательность. Он работает в разных техниках, с разнообразными материалами. Удивительно гармоничны его рельефы, сделанные из нескольких слоев картона, наложенных друг на друга и создающих сложную игру линий, теней, объемов. В этих работах мастер словно отбрасывает прочь загадочность и таинственность мифологизированных образов и предстает перед нами как чистый пластик, творящий своеобразную музыку форм. И может быть это "второе лицо" художника способно соревноваться с первым.

Привычному облику Хачатряна с его преизбытком форм, словно выливающих навстречу нам из рога изобилия, в известной мере противостоит изобретенная им графическая манера, обозначенная как "минимализм". Линии, вычерченные на картоне, завершенные наверху кружками, а внизу загнутыми окончаниями, могут быть восприняты, как схематизированные фигуры. Но вовсе не обязательно видеть в них это фигуративное прошлое. Линии самоценны. Каждая имеет свой путь, а пересечения путей полны смысла.

В Лондоне расширился круг исканий Хачатряна. Он открыл для себя новые пластические возможности, обрел творческую свободу, завоевал право соревноваться с европейскими классиками. Начав свой путь в Ереване, продолжив его в Москве, мастер воспользовался правом сопоставить свой собственный дар и опыт еще с одной великой культурой. Но при всем своем устремлении к тому, чтобы быть "человеком мира", он остался армянским художником. Великие соседи не помешали развить свой национальный талант. Тем более, что традиции армянской культуры коренятся в той самой сверхисторической древности, которую так глубоко сумел почувствовать Хачатрян. Вне этих национальных корней вряд ли можно понять его творчество.

Дмитрий Сарабьянов